

ОСОБЕННОСТИ ШВАНКОВОГО ПОВОРОТА В НАРОДНОЙ КНИГЕ О ТИЛЕ УЛЕНШПИГЕЛЕ

(Научный руководитель – канд. филол. наук О. Ч. Гронская)

Народная книга позднего Средневековья и Возрождения представляет собой неповторимый жанр литературы, получивший широкое распространение в Германии. Особой разновидностью немецких народных книг являются книги о шутах и дураках. Они тесно связаны с таким сатирическим жанром городской средневековой литературы, как шванк (Schwank – от средневерхненемецкого swanc, весёлая идея). Шванк представлял собой небольшое повествовательное произведение комического и назидательного характера и часто содержал в себе сатиру на рыцарство и духовенство. Повествование в шванке разворачивалось вокруг одного события, носившего бытовой характер, понятного и привычного для читателя из низшего сословия. Язык также был близок народу, нередко использовались грубые выражения, а описания бытовых сцен носили натуралистический характер. Писались шванки, как правило, четырёхстопным ямбом с парной рифмой, так называемым "ломаным книттельферзом". Позже использовался также полиметрический стих, а затем, в XV и XVI веках повествование могло быть представлено в стихотворно-прозаической и прозаической формах.

В немецкой филологии народные книги принято называть «Schwanksammlungen», то есть «собрание шванков». Однако помимо шванков в немецких народных книгах можно обнаружить загадки, басни, комические словопрения, разные виды паремий, а также смешанные образования. Как отмечает советский литературовед Б. И. Пуришев, народные книги – это «сплав исторических воспоминаний, поэзии шпильманов, плутовских, рыцарских и сказочных историй, задорных шванков и площадных анекдотов» [6, с. 9].

Анонимная народная книга о Тиле Уленшпигеле («Ein kurtzweilig lesen von Dyl Vlenspiegel»), датируемая началом XVI века, представляет собой вершину культуры раннего шванка. Книга повествует о приключениях Тиля Уленшпигеля, который странствует по миру, живя случайными заработками и нарушая привычный уклад жизни людей своими непредсказуемыми выходками. В своей работе «Народная культура Германии: Позднее Средневековье и Возрождение» М. Ю. Реутин отмечает: «Изображая жизнь шута от дурацких крестин до идиотских приключений трупа, произведение разрабатывает штриккерровский канон до абсолютного предела» [8, с. 67].

Триаду протагонистов комических эпосов составляют такие фигуры, как плут, шут и дурак. По словам М. Ю. Реутина, «шут является средней, медиативной фигурой, снимающей противоположность дурака и плута через совмещение в себе ослабленных качеств этих персонажей» [8, с. 73]. Шут может сознательно или несознательно пародировать слово. Когда он делает это сознательно, он приближается к плуту, когда неосознанно – к дураку.

Главный герой народной книги о Тиле Уленшпигеле совмещает в себе черты близких по своей сути образов шута и плута. Он не принадлежит к какому-то конкретному сословию, не имеет постоянного места жительства, стабильного заработка. Назвать Уленшпигеля шутом можно также на основании таких традиционных для образа шута эпохи Средневековья и Возрождения черт, как невезение в осуществлении каких-либо жизненных планов и постоянные попытки высмеять окружающих. В своей работе «Речевой ритуал в народной книге о Тиле Уленшпигеле» Л. Н. Аветисова дает такое истолкование образа: «...в отличие от рыночного шута, Тиль Уленшпигель в роли обличителя общественных пороков современного ему общества действует вполне сознательно. Скорее всего, он играет роль изгоя, аутсайдера, не участвуя согласно нормам и правилам в жизни социума» [3].

Итак, в данном случае перед нами сборник коротких историй о шутом и плуте Тиле Уленшпигеле. Подобные простые пуантированные формы (анекдоты, загадки, шванки) строятся на основе новеллического поворота. Его суть заключается в пересечении двух интерпретаций одного слова [8, с. 48]. Обратимся к тексту народной книги о Тиле Уленшпигеле и рассмотрим несколько ситуаций, демонстрирующих нам этот шванковый поворот.

В сорок шестой истории Уленшпигель нанялся на работу к пивовару. Хозяин приказал ему сварить пиво, на что Уленшпигель отвечал, что сделает все как надо. Когда пришло время бросать в пиво хмель, Уленшпигель, позволив служанке, помогавшей ему варить, уйти, подумал, «какую штуку этому пивовару выкинуть». Он решил бросить в котел вместо хмеля (нем. Hopffen) хозяйского пса по кличке Хмель (нем. Hopff). Когда пришел хозяин, служанка сообщила ему, что натворил новый работник. Уленшпигель же отвечал: «Да, господин, вы мне так приказали. Разве ж это не сущее наказание: я делаю все, как мне велят, а нигде не могу заслужить благодарности. Любой другой пивовар был бы доволен, если бы его слуги вполнину выполняли его приказания» [7, с. 208–209]. В приведенной истории поворот сюжета строится на двойном истолковании слова. То, что для ремесленника – хмель, становится для шута собачьей кличкой.

Сорок седьмая история народной книги о Тиле Уленшпигеле повествует о проделках шута в должности подмастерья портного. Хозяин приказал Уленшпигелю шить «так, чтобы шва не было видно». Шут понял этот приказ по-своему. Он забрался под кадку и стал выполнять там свою работу. На вопрос хозяина о том, что он там делает, Уленшпигель отвечал: «Мастер, вы сказали, я должен шить так, чтобы шва не видно было, – здесь его никто не увидит» [7, с. 209]. Хозяин приказал новому работнику сшить «серого волка». Так именовали за его цвет серый крестьянский кафтан. Уленшпигель разрезал кафтан и сшил куски так, что вышло похоже на волка. Слово Wolff становится в данном контексте двузначным. Наряду с общеязыковым значением слова (волк) оно приобретает дополнительное значение – крестьянский кафтан. В ответ на замечания хозяина Уленшпигель возмущается, указывая, что он всегда делает все так, как ему велят: «Будь за это дьявол в ответе! У вас что, такой обычай, одно говорить, а другое думать? Как это у вас одно с другим

клеится?» [7, с. 210]. «Шут стоит вне быта, церкви, общества, производства с системами их внутренних и потому необязательных для плута смыслов» [8, с. 69].

Двадцатая история народной книги представляет собой вариацию типичного сюжета о противостоянии мастера и его подмастерья. Цеховые статуты запрещали подмастерьям работать ночью и по праздникам. Не разрешалось также работать ночью при свечах из-за их дороговизны. Однако подмастерья часто были вынуждены трудиться в таких условиях, чтобы заработать себе на жизнь. История повествует о том, как Уленшпигель устроился подмастерьем у пекаря. Тот приказал ему просеять ночью муку. На просьбу Уленшпигеля дать ему огня для освещения мастер отвечал: «Не дам тебе огня. Я своим работникам в эту пору никогда огня не давал. Они просеивали муку в свете месяца. Так и ты должен делать» [7, с. 177]. Уленшпигель решил, что сделает так же и стал просеивать муку, выставив сито за окно, где светил месяц, так что просеянная мука попадала в грязь. На возмущенные замечания пекаря Уленшпигель в привычной для него ловкой шутливой манере отвечал: «Вот прекрасно, мастер! Вы должны быть довольны, я так и сделал: и в свете месяца, и при свете месяца» [7, с. 177]. Похожая ситуация происходит в девятнадцатой истории, когда Уленшпигель, следуя насмешливому приказу пекаря, испек полную пекарню мартышек и сов. Та же ситуация описана в тридцать девятой истории, в которой Уленшпигель отнес меха кузнеца во двор, а после проделал в крыше его дома дырку, чтобы убраться из дома кузнеца, как тот велел, «хоть через крышу». В приведенных историях поворот сюжета строится на буквальном истолковании шутом приказов мастера. Тиль Уленшпигель выполняет все приказы в точности так, как ему велит мастер, однако делает он это не по глупости и наивному пониманию, а сознательно, с целью высмеять, что отличает его от дурака. Это позволяет Уленшпигелю оставаться в образе хорошего работника, который добросовестно исполняет все указания мастера, не получая за это никакой награды, а лишь несправедливое порицание. По этой причине П. Нуссер называет Тиль Уленшпигеля «злым шутком» (нем. bösertiger Narr), который, прикидываясь шутком, «играет эту роль и перегибает палку» [2, S. 349].

Рассмотрим еще один интересный пример поворота сюжета, представленный в народной книге о Тиле Уленшпигеле. В десятой истории Уленшпигель пришел к одному дворянину в замок, где выдал себя за пажу. Проезжая со своим господином вдоль поля, Уленшпигель увидел растущую у дороги коноплю, которую называли в саксонских землях «Непер». Хозяин сказал своему пажу, что этой травой вяжут разбойников и из нее же делают для них удавки, поэтому Уленшпигель, где бы он ни встретил ее, должен на нее нагадить. Однажды повар попросил Уленшпигеля принести из погреба горчицу, что обозначается на саксонском диалекте словом «Сепер». Основываясь на созвучии слов «Непер» и «Сепер», Уленшпигель исполняет наказ мастера. Как и во многих других историях народной книги, здесь наблюдается специфическая черта карнавальная культура эпохи

Средневековья и Возрождения – преувеличенное подчеркивание телесности человека, отражающее неофициальный характер карнавального мира, предоставляющего человеку свободу. В рассмотренной истории поворот сюжета основывается на диалектной игре слов, понятной в нижненемецких землях: *Neper* – конопля, *Seper* – горчица.

В народной книге о Тиле Уленшпигеле шванковый поворот строится на основе речевых возможностей. В рассмотренных примерах мы наблюдаем разные интерпретации слов «хмель» и «волк». «Варка пива, как шитье шуб из волчьих шкур (шв. 47) или приготовление пищи (шв. 63), является упорядоченным ремесленным процессом. Почти в каждом шванке упорядоченность приобретает более широкий смысл культурности. Процесс культурен, так как упорядочен и выверен до мелочей и этим противопоставлен подвижности и асоциальности шута» [8, с. 68]. В первом случае общеупотребительное значение слова «хмель», которое использует пивовар, приобретает у шута производное значение. Во втором случае наблюдается обратная ситуация. Производное значение слова «волк», под которым портной как представитель данного ремесла понимает серый крестьянский кафтан, интерпретируется у шута в его общеязыковом значении. Шванковый поворот в народной книге о Тиле Уленшпигеле может происходить на основе игры слов. В рассмотренной истории поворот строится вокруг игры слов из нижненемецкого саксонского диалекта: «*Seper*» (горчица) и «*Neper*» (конопля). Особый случай шванкового поворота заключается в возможности двоякого истолкования слов: нанявшись подмастерьем к ремесленнику, Уленшпигель воспринимает слова мастера в их буквальном понимании, совершая непредсказуемые для хозяина выходки, что и приводит к повороту сюжета.

Таким образом, можно отметить, что шванковый поворот в народной книге о Тиле Уленшпигеле имеет речевую природу. Он возникает в результате сбойки двух интерпретаций одного слова. По этому критерию можно сказать, что шванковый поворот имеет сходство с древними словопрениями-агонами, для которых было характерно наличие двух протагонистов (Зимы и Лета, Жизни и Смерти, Матери и Дочери). Суть шванкового поворота заключается в двойном истолковании слова, которое разворачивается в разных значениях.

Литература

1. Ein kurzweilig Buch vom Till Eulenspiegel geboren im Lande Braunschweig [Электронный ресурс]. Режим доступа : <https://internet-maerchen.de/maerchen/till-eulenspiegel.htm>. – Дата доступа : 12.11.2019.
2. Nusser, P. Deutsche Literatur im Mittelalter. Lebensformen, Wervorstellungen und literarische Entwicklungen / P. Nusser. – Stuttgart, 1992.
3. Аветисова, Л. Н. Речевой ритуал в народной книге о Тиле Уленшпигеле, 1515 г. / Л. Н. Аветисова [Электронный ресурс]. Режим доступа : <https://www.dissercat.com/content/rechevoi-ritual-v-narodnoi-knige-o-tile-ulenshpigele-1515-g>. – Дата доступа : 12.04.2020.

4. Бахтин, М. М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса / М. М. Бахтин. – Москва : Художественная литература, 1990. – 543 с.
5. Даркевич, В. П. Народная культура средневековья: светская праздничная жизнь в искусстве IX – XVI вв. / В. П. Даркевич. – Москва : Наука, 1988. – 344 с.
6. Пуришев, Б. И. Немецкие шванки и народные книги XVI века. / Б. И. Пуришев. – Москва : Художественная литература, 1990. – 639 с.
7. Пуришев, Б. И. Прекрасная Магелона. Фортунат. Тиль Уленшпигель. Немецкие народные книги / Б. И. Пуришев, Н. А. Москалева, Р. В. Френкель. – Москва : Наука, 1986. – 310 с.
8. Реутин, М. Ю. Народная культура Германии: Позднее средневековье и Возрождение / М. Ю. Реутин. – Москва : РГГУ, 1996. – 215 с.